

Память — оружие журналиста

Сегодня мы печатаем воспоминания старейшего работника газеты «Коммунар», бывшего заместителя редактора, члена союза журналистов Николаева Николая Семёновича. Свои воспоминания о первых годах работы в газете он посвящает всем журналистам: тем, кто работает, тем, кто на заслуженном отдыхе и тем, кого уже нет с нами, но они живы в наших сердцах.

«Коммунар» начинал жить в годы развёрнутого строительства социализма. Журналисты 30-х были свидетелями и участниками трудовых свершений нашего народа. Минули времена и эстафету ушедших продолжает нести молодое поколение коммунаровцев.

В «Коммунаре» мне довелось проработать три десятка лет. Пройдя там все огни и воды от рядового корреспондента до заместителя редактора, начиная с того времени, когда газета стала выходить не на двух, а, как сейчас, на четырёх полосах. Носила она тогда ряд нелестных прозвищ, но начала вновь обретать доброе имя и заслуженный авторитет.

Это незабываемое время пятидесятых годов и сейчас в моём сердце. Именно тогда я, начинающий газетчик, понял, что такое печатное слово, насколько оно весомо, если правдиво, и как больно бьёт, если за ним кроется что-либо искажённое, неуютное, а то и противоправное.

Всем известно, что первое — всегда самое трудное, а может, потому самое памятное. Вот и я отлично помню свою первую десятистрочную заметку в газету, над которой работал целый день, и первую статью, подготовка которой свела меня с ныне покойным Иваном Кузьмичом Пятовым, руководившим тогда машинно-тракторной станцией.

Дела его, естественно, были связаны с сельским хозяйством. И вот мне, молодому сотруднику, тогдашний редактор Анатолий Васильевич Бараев даёт задание написать статью о подготовке МТС к весенней посевной, статью критическую. А я, сугубо городской житель, не умевший ещё отличить овёс от пшеницы, даже представления не имел о подготовке техники к полевым работам. Но Бараеву в этом не признался. Инструктаж его выслушал внимательно, хотя мало что понял. С тяжёлым сердцем направился в МТС. Вошёл к Пятову в кабинет и говорю:

— Мне нужны факты...

Иван Кузьмич стал вводить меня в курс дела. Рассказал о планах посевной и ремонте сельхозтехники, о том, что ещё предстоит сделать, не утаил и своих промахов и недоработок. Короче, критический материал оказался в моём блокноте.

Статью я написал и даже получил похвалу редактора за её глубину и злободневность. Так я учился уму-разуму у старших товарищей не только в самой редакции, но и у тех, о ком приходилось писать, хотя и не всегда приятное. Да, признаться, тогда вся страна училась жить, работать, овладевать знаниями. И не так уж это было плохо, как пытаются изображать.

Не могу умолчать и о другом случае из моей практики, который свидетельствует о благородстве души моих респондентов. В конце 50-х или начале 60-х годов в Переславле был назначен новый прокурор Константин Новиков. Это был честный, добросовестный работник. Но однажды и он допустил оплошность: для транспортных нужд прокуратуры купил у цыгана лошадь.

Но лошадь оказалась то ли краденой, то ли с большим изъяном. И я опубликовал первый свой фельетон «Как цыган прокурора околпачил». По нынешним временам прокурор, очевидно, мог бы узреть в слове «околпачил» что-либо оскорбительное и потребовать с редакции возмещения материального ущерба. Однако в то время «несвободы печати» прокурор оказался выше мелочных придирок. Он позвонил в редакцию и извинился за свой промах. Этот поступок прокурора, облечённого немалой властью, сразу как-то возвысил его не только в моих глазах, но

и у всего нашего коллектива. И с тех пор, до самого назначения К. Новикова на новую, более высокую должность, мы оставались хорошими друзьями.

Позднее редактором газеты «Коммунар» был назначен Борис Петрович Рогожин. В это время в коллектив газеты влилось много молодёжи. Работали с комсомольским задором, но ответственность и журналистская этика всегда присутствовали. Борис Петрович стал собирать экспонаты и фотографии и открыл редакционный музей, который до сих пор является гордостью коммунаровцев.¹ В нынешние же времена работники средств массовой информации поставлены в такие условия, что того и гляди, за малейшую неточность или ошибку редакция будет расплачиваться миллионами.

Об этом свидетельствует хотя бы иск «Коммунару» одного из обидчивых за то, что внештатный корреспондент — работник милиции — в заметке перепутал инициалы. Не знаю, чего больше в этой истории: стремления обиженного сохранить незапятнанными свои честь и достоинство или возможности воспользоваться ошибкой в личных интересах? Не потому ли со страниц газет — и не только «Коммунара» — стали исчезать фельетоны, сатирические уголки и другие острые материалы?

Профессия журналиста не из лёгких и, как говорили о ней ещё в моё время, не для трусов. Зато как приятно сознавать, что труд твой не пропал даром и по достоинству оценён читателями, что о тебе помнят. Так, на днях мне довелось побывать в офисе нашего национального парка и вести беседу с его директором Юрием Алексеевичем Чаплиным.

Когда вопросы, меня интересовавшие, были исчерпаны, мы предались воспоминаниям вклада нашего поколения в дела минувших лет, поколения, которое, как говорилось в одной из газет, «...воевало, строило, вновь воевало, вновь отстраивало, надрывалось, увечилось, а на закате жизни вдруг было предано проклятиям и на высоких съездах, и в магазинных очередях».

Юрий Алексеевич рассказал, в частности, о нашем первом знакомстве, когда он работал зоотехником. Детали той встречи у меня давно выветрились из памяти, а он помнит, что приезжал я в совхоз к своему приятелю, чтобы взять материал о массово-политической работе. Да и как не помнить, если в ту пору существовало незыблемое правило: на выступление газеты с критикой недостатков ответить редакции о принятых мерах.

Давно ли это было? Как быстро летит время, и вместе с тем меняются не только люди, меняются их устремления и даже, казалось бы, незыблемые устои общества. Распался Великий Советский Союз, не стало единой КПСС, которой я верой и правдой служил почти пятьдесят лет и печатным органом которой (горкома партии) был «Коммунар».

Теперь я давно на пенсии. Но и сейчас верен прежним своим идеалам, хотя и с некоторыми поправками — такова жизнь. Но когда вместо единой, монолитной Компартии стало их несколько, я не могу разделить свои убеждения на десять и даже более составных частей. Вот почему теперь я вне партии: коммунист-одиночка. Но свою преданность «Коммунару», любовь к своей профессии журналиста храню свято и бескомпромиссно.

¹ В 2005 году этого музея уже не было и найти его материалы в редакции не удалось. — *Ред.*